

Живые голоса войны: архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны

*Андрей Гуськов, Константин Дроздов, Владимир Круглов,
Дарья Лотарева, Виталий Тихонов*

**Live voices of the war:
the archive of the Commission for the history of the Great Patriotic war**

*Andrey Gus'kov, Konstantin Drozdov, Vladimir Kruglov, Darya Lotareva,
Vitaliy Tikhonov*

(all – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В Институте российской истории РАН в рамках проекта «Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о войне» осуществляется систематическое изучение и введение в научный оборот комплекса источников, сформированного коллективом историков под руководством Исаака Израилевича Минца (1896–1991)¹, – «Материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»².

Планы по созданию специализированного центра, который бы занимался поиском, сохранением и изучением соответствующих источников, возникли у Минца с самого начала боевых действий – в июле 1941 г.³ Однако вопрос «О работе по истории Отечественной войны» Президиум АН СССР вынес на обсуждение лишь на заседании, состоявшемся 15 января 1942 г. в г. Казани. Согласно принятому тогда постановлению решили: «1. Создать в АН СССР на-

---

© 2015 г. А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов.

¹ О Комиссии см.: *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 118–132; *Лёвшин Б.В.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. // История и историки: историографический ежегодник. 1974. М., 1976. С. 312–317; *Михайлова Е.П.* О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941–1945 гг. // Вопросы историографии в высшей школе. Всесоюзная конференция преподавателей историографии СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов, Смоленск, 31 января – 3 февраля 1973 г. Смоленск, 1975. С. 352–359; *Архангородская Н.С., Курносов А.А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и её архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 219–229; *Курносов А.А.* Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 174–181; *Лотарева Д.Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и её архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 г. М., 2014. С. 123–166.

² В документах и литературе можно встретить такие названия, как «Комиссия по составлению летописи Великой Отечественной войны», «Комиссия по истории обороны Москвы», «Центральная комиссия по истории Великой Отечественной войны».

³ *Курносов А.А.* Встреча сотрудников... С. 316.

учный аппарат по изучению истории Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии; 2. Возбудить ходатайство перед СНК СССР об учреждении в составе АН СССР Института истории Отечественной войны»⁴. Президиум также рекомендовал подтвердить создание Комиссии постановлением ЦК ВКП(б) (чего, однако, сделано так и не было). Идею поддержал секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Московского обкома ВКП(б) и позднее начальник Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (ГлавПУ РККА) А.С. Щербаков. С 1939 г. он, практически ежедневно получая указания И.В. Сталина, являлся одним из ведущих исполнителей и своего рода транслятором его идей⁵. Возможно, поддержка Щербакова стала для Минца частичной компенсацией отсутствия официального статуса Комиссии.

Правда, первоначально Щербаков поддержал создание не полноценной истории, а летописи войны⁶. Минц вспоминал: «25 ноября 1941 года. В Москве, т. Александров Г.Ф. (начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)) сообщил (в 3 ч.), что создана комиссия по собиранию материала и подготовке к изданию “Летописи Отечественной войны”. Начать надо с “Обороны Москвы” и постепенно расширять работу. Мне поручено организовать аппарат, связаться с остальными научными учреждениями, привлечь людей. В распоряжение “Летописи” будут переданы все материалы Совинформбюро и сводки ТАСС. Вечером был у П.Ф. Юдина, заведующего ОГИЗом (Объединение государственных книжно-журнальных издательств. – *Прим. авт.*). Он будет введён в состав комиссии от ОГИЗа и как член-корреспондент Академии наук СССР»⁷.

Решение о создании Комиссии по составлению хроники событий обороны Москвы секретариат МК и МГК ВКП(б) принял 10 декабря 1941 г.⁸ В её состав вошли Г.Ф. Александров (председатель), Минц (заместитель председателя), П.Ф. Юдин, Ф.Ф. Кузнецов, П.Н. Поспелов, Л.Я. Ровинский, И.А. Гракин, П.А. Поздеев. Минц сразу же занялся организационными вопросами, предполагая, что рамки работы не ограничатся историей битвы за Москву. Более того, он стремился создать под своим руководством Институт Великой Отечественной войны в рамках АН СССР⁹, для чего и был начат систематический сбор источников – это ключевой момент для понимания того, по какому принципу собирались материалы Комиссии.

Поначалу не всё шло гладко. 11 января 1942 г. Минц записал в дневнике: «Группа работников Комиссии по истории обороны Москвы выезжает в Солнечногорск... Посетят г. Клин. Явно не успеваем за событиями. Немедленно

---

⁴ Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН), ф. 2, оп. 6а, д. 34, л. 17–19.

⁵ См., например: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. М., 1997. С. 29, 31–33.

⁶ С 30 сентября по 2 октября 1941 г. состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором обсуждался вопрос о деятельности академических институтов в условиях войны. Составление «Летописи Отечественной войны» было сформулировано как одна из главных задач Института истории АН СССР (*Михайлова Е.П.* Указ. соч. С. 352).

⁷ *Минц И.И.* «Из памяти выплыли воспоминания...». Дневниковые записи И.И. Минца. М., 2007. С. 41–42.

⁸ Центральный архив общественно-политической истории Москвы, ф. 3, оп. 24, д. 232, д. 2; *Московская битва в хронике фактов и событий.* М., 2004. С. 246.

⁹ *Лотарева Д.Д.* Указ. соч. С. 132–134. В 1947 г. в Институте истории был составлен документ «Основные направления и работы по истории на ближайшее двадцатилетие», где было указано, что сектор истории советского общества будет составлять, в числе прочего, 10 томов «Истории Великой Отечественной войны» (НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 370, л. 11).

надо послать кого-нибудь в город Керчь или Феодосию, но не хватает людей, а Академия наук... до сих пор не утвердила мне сметы»¹⁰. С февраля 1942 г. до конца войны сотрудники Комиссии выезжали на фронт и освобождённые от оккупации территории, в партизанские отряды и на предприятия, находившиеся в тылу¹¹. Наиболее активно включились в эту деятельность И.М. Разгон (1905–1987), А.Л. Сидоров (1900–1966), В.И. Шунков (1900–1967), П.М. Федосов (1897–1974), Э.Б. Генкина (1901–1978), Л.М. Зак (1917–2001), Г.Н. Анпилов (1902–1987), М.Г. Седов (1912–1991), Н.С. Трусова (1905 – после 1973), Р.И. Кроль (1903 – ?), Р.И. Голубева (1900–1990), Н.А. Сидорова (1910–1961), А.Я. Грунт (1915–1986), А.П. Серцова (1920–2009). Многие из них ещё до войны работали с Минцем, в том числе в рамках проекта «История Гражданской войны в СССР»¹². Вместе с тем, помимо профессиональных кадров, Комиссия располагала разветвлённой сетью корреспондентов, привлекая к собиранию материалов политработников в воинских частях, партийных работников, научных сотрудников (прежде всего историков) и писателей в тылу.

Первоначально Минц предполагал организовать сбор таких материалов о войне, которые из-за своей специфики могли не попасть в архивы¹³ (неофициальные документы штабов воинских соединений; воспоминания фронтовиков, партизан, работников тыла; материалы о Героях Советского Союза; источники, запечатлевшие быт, повседневные события, переживания участников событий, их творчество – стихи, песни). Но вскоре спектр направлений работы Комиссии значительно расширился¹⁴. Помимо записи воспоминаний, сбора дневников и писем, сотрудники Комиссии Минца передавали в архив штабные документы (правда, нечасто), материалы редакций воинских газет и ГлавПУ РККА, военные карты. Складывался уникальный документальный комплекс, отражавший все стороны военной действительности.

Начав с написания работы, освещающей оборону Москвы, и создания Летописи событий войны, сотрудники Комиссии постепенно перешли к составлению истории отдельных воинских частей с целью сохранения памяти, передачи боевых традиций, отражения роли партии в организации побед. Предполагалось также описать решающие сражения, однако удалось закончить лишь труд, посвящённый обороне и освобождению Сталинграда¹⁵. Для того

¹⁰ Минц И.И. Указ. соч. С. 52–53.

¹¹ См., например: НА ИРИ РАН, ф. 2, раздел XIV, оп. 1, д. 40, 46. Из письма Г.Ф. Александрова на имя А.С. Щербакова от 11 февраля 1943 г. становится понятно, что Минц всё ещё надеялся на утверждение Комиссии постановлением ЦК ВКП(б): «Решением МК ВКП(б) в декабре 1941 года была создана Комиссия по составлению истории Обороны Москвы. Работа Комиссии уже с первых дней переросла рамки первоначального задания. Нельзя было писать [эту историю], не изучив Тульской и Калининской операций... Московская Комиссия расширила работу. В системе Академии наук СССР была создана группа научных сотрудников по собиранию и систематизации материалов Отечественной войны. Всё это привело к тому, что Комиссия по составлению истории обороны Москвы, по существу, превратилась в общую комиссию по собиранию материалов по истории всей Великой Отечественной войны». Г.Ф. Александров предлагал утвердить создание Комиссии постановлением ЦК ВКП(б) (РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 204, л. 1).

¹² MacKinnon E. Writing History for Stalin: Issak Izlailevich Mints and the Istoriiia grazhdanskoi voiny // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. № 1. P. 5–54.

¹³ НА ИРИ РАН, ф. 2, раздел XVI, д. 2, л. 6.

¹⁴ Архангородская Н.С., Курносов А.А. Указ. соч. С. 223.

¹⁵ Генкина Э.Б. Героический Сталинград. М., 1943. О причинах особого внимания к Сталинградской битве см.: Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / Отв. ред. Й. Хелльбек. М., 2015.

чтобы показать народный характер войны, собирали материалы о партизанских объединениях, трудовых подвигах в тылу. Также стремились раскрыть вклад республик СССР в победу. Важным проектом было составление энциклопедии Героев Советского Союза.

Однако в декабре 1945 г. постановлением Президиума АН СССР деятельность Комиссии была прекращена. Большая часть её сотрудников в 1946 г. перешла на работу в сектор истории Великой Отечественной войны, созданный в Институте истории АН СССР¹⁶. Работа по сбору материалов о Великой Отечественной войне продолжалась, но её история так и не была написана в связи с началом гонений на Минца и его ближайших соратников в рамках идеологических кампаний по борьбе с буржуазным объективизмом и безродным космополитизмом¹⁷. В 1947 г. сектор истории Великой Отечественной войны, большинство сотрудников которого уволили, объединили с сектором истории советского общества. Архив же Комиссии чудом сохранился – на его базе в 1948 г. был создан отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (ныне Научный архив Института российской истории РАН).

Несмотря на имеющийся в фонде НА ИРИ РАН массив различных материалов (более 16 тыс. дел¹⁸), деятельность Комиссии до сих пор изучена слабо (посвящённые ей исследования, как правило, представляют собой обзор документов фонда), а ввод её материалов в научный оборот начался только в последние годы¹⁹.

Между тем собранные источники зачастую уникальны. Особый интерес, безусловно, представляют стенограммы интервью с непосредственными участниками событий (примерно $\frac{1}{4}$ всего комплекса). Работа по сбору этих материалов – одно из крупнейших мероприятий в мировой истории по так называемому инициативному документированию. Напомним, что советская эпоха породила цикл грандиозных историко-документальных проектов – История партии, История фабрик и заводов, История профсоюзного движения, История Гражданской войны и труды Комиссии продолжают этот ряд. По мнению современного историка Й. Хелльбека, её деятельность отразила «революционный документализм» 1920-х гг., суть которого – представление о том, что с помощью автобиографии (написанной самостоятельно или зафиксированной в интервью) «маленький человек» утверждает свою роль в истории и превращается в «Человека с большой буквы»²⁰.

¹⁶ Этот сектор необходимо отличать от военно-исторического сектора, созданного в Институте истории в 1944 г.

¹⁷ Подробнее см.: *Тихонов В.В.* «Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // *Genesis: Исторические исследования. Электронный журнал.* 2013. № 2 (URL: http://e-notabene.ru/hr/article_701.html). Дата обращения – 09.06.2015).

¹⁸ В 1953 г. одну часть материалов из архива Комиссии передали в Министерство обороны СССР, а также в библиотеки, другую просто уничтожили. Стенограммы удалось сохранить, хотя некоторые значимые из них (ф. 2) не найдены, например, стенограмма беседы с маршалом А.И. Ерёменко – о ней упоминается в аудиозаписи встречи сотрудников Комиссии и членов Археографической комиссии АН СССР в 1984 г. (Российский государственный архив фонодокументов, ф. 439, оп. 4м, д. 1–2).

¹⁹ *Hellbeck J.* Die Stalingrad Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a/M, 2012; *Дроздов К.С.* Героев было не только двадцать восемь // *Родина.* 2012. № 5. С. 6–11; № 7. С. 9–16; *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своём командире. Правда из прошлого. 1941–1945 гг. М., 2014; *Сталинградская битва...*

²⁰ *Лотарева Д.Д.* Указ. соч. С. 128.

Пафос инициативного документирования, воплотивший активность и волю человека нового мира, наиболее ярко реализованный в сборе интервью, стал приметой новой эпохи. Уже в начале XX в. мировая гуманитарная наука обратила внимание на субъективный исторический опыт отдельной личности. Происходила своеобразная «массовизация» знаний о прошлом, «простой человек» и его роль в истории привлекали все большее внимание исследователей. В Советской России этот поворот приобрёл особое звучание. Если согласно дореволюционной академической традиции историки работали преимущественно с архивными документами, то после радикальной смены общественного строя такая позиция расценивалась как намеренный – под предлогом профессионализации – уход от общества, насущных проблем и живых людей, являющихся творцами истории. Сбор же интервью демонстрировал возвращение историка в массы.

Эволюция отечественной исторической науки была связана и с тем, что большевики позиционировали себя как представителей угнетённых классов, и именно с их утверждением у власти начали активно развиваться такие направления исследований, как история пролетариата, фабрик и заводов, крестьянства, революционного и национальных движений и т.д. Однако учёные постоянно сталкивались со скудостью источниковой базы, поскольку данные социальные слои и сферы жизни документировались плохо или не документировались вовсе (как, например, подпольное революционное движение). В этих условиях приходилось искать новые источники исторического знания. Так, широкое распространение получил сбор устных свидетельств («устная история»), фиксация и архивирование которых – яркий пример инициативного документирования²¹.

Массовое интервьюирование участников Великой Отечественной войны вполне соответствовало веяниям времени. Однако в отличие от других проектов подобного рода, эти беседы проводились «по горячим следам», промежуток между событием и его описанием составлял от двух недель до шести лет. Подобным рассказам, естественно, были присущи субъективность, односторонность, спешка при записи и т.д. Однако они отразили впечатления, ощущения, переживания и мнения опрашиваемых, дали «уникальную... возможность для восстановления “утраченных” областей человеческого опыта»²². Минц считал стенограммы интервью очень ценным источником: «Наша история создаётся и пишется одновременно... В этом большие преимущества: события близки, много активных участников поделится своими воспоминаниями, отсюда большая достоверность и правдивость в изложении»²³. Причём члены Комиссии фиксировали и особенности языка собеседников, часто точно передавая специфику их речи.

---

²¹ В исторической науке до сих пор существует стереотип: «устная история» возникла в середине XX в., а в России получила развитие только в 1990-х гг. (См., например: *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 205). Однако многие исследователи обоснованно указывают на то, что такой способ формирования источниковой базы был широко распространён в первые десятилетия существования советской власти (*Шмидт С.О.* «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // *Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии.* М., 1997. С. 98–108; *Орлов И.Б.* Устная история: генезис и перспективы развития // *Отечественная история.* 2006. № 2. С. 136–148; и др.).

²² *Тош Дж.* Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 283.

²³ Цит. по: *Лотарева Д.Д.* Указ. соч. С. 157. Стенограммы интервью помогают также решить вопрос, давно заданный теоретиками «устной истории»: что считать таковой – только непосредственно фонозаписи или всевозможные устные свидетельства, зафиксированные на разных но-

Известно настроенное отношение к стенограммам как к документам, содержащим слишком много субъективного. Тем не менее исследователи, непосредственно работавшие со стенограммами интервью, взятых сотрудниками Комиссии, подчёркивают высокую репрезентативность данных источников.

Необходимо указать: если рассматривать интервью через призму ранее господствовавшей в историографии теории отражения сознанием бытия²⁴, то на первый план выходят как раз их «недостатки» – субъективизм, ограниченное владение опрашиваемыми информацией и т.д., хотя в собранных рассказах можно обнаружить ранее не известные факты, которые дополняют сложившуюся картину. А в случае признания, что человек – это и есть объективная реальность, в центре внимания исследователя оказываются его психологическая индивидуальность, сознание, стратегии поведения, социальные практики и т.д. Анализ интервью в рамках такой антропологической парадигмы резко повышает их репрезентативность. Иными словами, всё зависит от того, какие вопросы ставить перед источником и через призму какой методологии его анализировать. Обращение к стенограммам интервью именно как к фиксации индивидуального (а через него и коллективного) опыта человека – наиболее продуктивный подход.

Отметим: записанные интервью теоретически позволяют зафиксировать первые впечатления людей о тех или иных событиях. Вместе с тем возникают существенные «минусы»: временная удалённость от произошедшего автора мемуаров, свойства его памяти и заданные ею социальные рамки, пройденный им жизненный путь, текущая политическая ситуация и т.д. Схожие проблемы возникают при интервьюировании участников войны спустя много лет после её завершения. В этом случае фактическая канва прошедших событий, как правило, остаётся прежней, но заметно трансформируется под влиянием времени, изменений личности опрашиваемого, а также общественно одобряемого образа войны и оценочных суждений²⁵. «Язык войны» перемешивается с современным стилем её описания, навязанным официальной версией истории²⁶. Что касается интервью, собранных Комиссией, подобные недостатки минимизированы. Не случайно, в середине 1960-х гг., когда потенциал материалов ещё не оценили по достоинству, известный специалист по источниковедению советского периода М.Н. Черноморский рекомендовал сверять мемуары участников Великой Отечественной войны как раз со стенограммами Комиссии²⁷.

Кроме того, определённой гарантией от серьёзных искажений является то, что большинство стенограмм интервью образуют особые тематические комплексы (например, битва под Москвой, Сталинградская битва, герои-покрыш-

---

сителях (бумажных, видео и т.д.)? (См.: *Томпсон П.* Голос прошлого: Устная история. М., 2003. Гл. 2; *Щеглова Т.К.* Устная история: учебное пособие. Барнаул, 2010. С. 33–42). Думается, что главным критерием устного источника является передача информации из уст в уста вне зависимости от способа её кодировки. Собранные Комиссией стенограммы – наглядный тому пример. Хотя они зафиксированы в бумажном виде, но отвечают всем основным критериям устного источника.

²⁴ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. Изд. 2. М., 2003. С. 118–140.

²⁵ *Сенявская Е.С.* История войн России XX века в человеческом измерении: Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. М., 2012. С. 49.

²⁶ *Реброва И.В.* Возможности критического дискурс-анализа как метода интерпретации устных историй о Великой Отечественной войне // *Былые годы.* 2012. № 3. С. 94.

²⁷ *Черноморский М.Н.* Источниковедение истории СССР. Советский период. Учебное пособие. М., 1966. С. 305.

кинцы, партизанское движение и т.д.). Они включают описание одних и тех же событий разными людьми, часто знакомыми друг с другом, что, с одной стороны, могло несколько сковывать их откровенность, но, с другой – повышало ответственность за сказанное. Эффективным является метод сравнительного анализа всего комплекса интервью.

Наконец, важнейшим аргументом в пользу высокой репрезентативности интервью является их стиль. Если бы они были продуктом пропаганды, то содержали бы преимущественно клишированные штампы, чего мы фактически не наблюдаем. Наоборот, все исследователи подчёркивают: интервью чаще всего представляют живую речь. Дело в том, что в годы войны ещё не сложился общепринятый язык её описания, и большинство соответствующих клише пришли в жизнь фронтового поколения значительно позже²⁸.

Тем не менее в стенограммах можно найти примеры стандартизированного языка войны, включающего лозунги, пропагандистские трюизмы. Любопытно, что речевые различия связаны со статусом интервьюируемых: самые непосредственные по стилю и содержанию рассказы принадлежат преимущественно рядовым; более «сдержанные» повествования – командирам; наконец, самыми «засоренными» являются рассказы работников политических органов, часто выступавших перед военнослужащими (что выработало привычку говорить стандартными фразами) и понимавших политические нюансы тех или иных заявлений. Однако это не значит, что к стенограмме беседы с обычным красноармейцем должно быть больше доверия, чем к записи опроса политрука. Например, интервью участника Сталинградской битвы капитана П.А. Зайончковского, будущего известного историка, а тогда специалиста по пропаганде в немецких войсках, является одним из самых оригинальных и информативных.

Таким образом, вопрос о репрезентативности интервью необходимо решать не только относительно всего комплекса источников, но и на индивидуальном уровне. В конечном итоге научное изучение таких стенограмм возможно только в том случае, если они будут сопоставлены с другими материалами и введены в исторический контекст. Продуктивным, на наш взгляд, представляется анализ стенограмм в сочетании с архивными документами штабов РККА, вермахта, мемуарами очевидцев и т.п., что, без сомнения, позволит создать объёмную картину событий.

Следует помнить и ещё об одном: не в последнюю очередь создание Комиссии было обусловлено пропагандистскими мотивами, но собранные интервью – яркий пример того, как простое описание будней войны приводит к деидеологизации рассказов её участников. Искренность, с которой они рассказывали о своей жизни на войне, не вызывает сомнения: повседневность миллионов других солдат была точно такой же и скрывать или сильно приукрашивать её не имело смысла. К тому же ещё не сложились социальные рамки описания войны, заставлявшие следовать шаблонным фразам и образам.

Отмеченные ранее особенности интервью обусловили своеобразное «табу» на использование таких материалов в исследованиях о Великой Отечественной войне. Содержавшаяся в них информация явно не вписывалась в «парадный» образ войны, а отражала все её трагедии, противоречия и ужасы. Многочисленные субъективные оценки опрошенных часто расходились с официальной трактовкой событий.

---

²⁸ Кондрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы: Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 251.

В целом «устная история» как способ формирования источниковой базы оказалась в СССР не в почёте, поскольку в исследовательской практике существовала строгая иерархия источников, на вершине которой находились документы официального происхождения (партийных органов, государственных структур). А эго-документы, отражающие личный опыт участников исторического процесса, оказались на периферии научного и общественного внимания – их привлекали в основном как иллюстрации к официальным материалам.

Только в 1990-е гг. произошло смещение фокуса исследования исторических событий, и рассматриваемые источники стали оценивать с позиции возможности знакомства с субъективным опытом участников войны, их мотивацией, психологией, восприятием и оценкой происходившего. В этом смысле интервью, собранные сотрудниками Комиссии, являются уникальными материалами для изучения темы «Человек на войне», которая в последнее десятилетие оформилась в России в особое научное направление – военно-историческую антропологию²⁹, где Великая Отечественная война занимает центральное место. Для анализа психологии всех находившихся в зоне боевых действий активно применяются как традиционные виды источников (предпочтительно эго-документы), так и ранее редко использовавшиеся художественная литература, фронтовой фольклор и т.п. Главной проблемой остаётся небольшое количество источников личного происхождения, созданных непосредственно в условиях боевых действий. Известно, например, что солдатам не полагалось вести дневники³⁰, поэтому для реконструкции их индивидуального опыта, психологического состояния часто приходится обращаться к материалам, появившимся спустя много лет после войны (мемуарам, ретроспективным интервью ветеранов). Однако значительный временной разрыв между событиями и воспоминаниями о них накладывает определённый отпечаток на такие источники: личностные переживания, жизненный опыт; давление официальной трактовки не могут не сказываться на описании впечатлений, объяснении мотивов поведения во время боёв и т.д.

А в стенограммах интервью Комиссии картина войны предстаёт более реалистичной. В них можно обнаружить ярчайшие примеры деформации психики как военных, так и гражданских под влиянием бесконечных смертей вокруг, проследить отношение к решениям руководства (включая, например, оценку пользы от введения обязательных 100 г водки перед боем и т.п.). Кроме того, зафиксированы индивидуальная и коллективная стратегии выживания на фронте, оккупированных территориях и в тылу, усилия советской пропаганды по формированию образа врага и степень её эффективности. Сквозной же опрос, например, военнослужащих одного подразделения – от командарма до рядового – даёт объёмное и детальное описание действий различных родов войск, выполнения тех или иных боевых задач, сведения о тактике и стратегии военачальников³¹.

Необходимо подчеркнуть, что принятая в годы войны систематизация дел в фонде Комиссии в НА ИРИ РАН (по 13 разделам), не даёт полного пред-

---

²⁹ *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145; *она же.* История войн России XX века...

³⁰ *Сенявская Е.С.* История войн России XX века... С. 46–47.

³¹ Удачным примером такого использования интервью Комиссии является книга, подготовленная под руководством И. Хелльбека (Сталинградская битва...).

ставления о содержании собранных Комиссией документов³². Изучение архива показало, что весь массив информации структурирован в нём в соответствии с целями, поставленными перед Комиссией. Наибольшее количество стенограмм интервью находится в разделах I «История воинских частей» и III «Оборона городов», где материалы дублируются в части истории воинских подразделений, но в разделе III дополнены опросами мирных жителей, партийных и советских деятелей; некоторые сведения содержатся в разделе IX «История дивизий народного ополчения». Сегодня по ним можно реконструировать историю многих событий Великой Отечественной войны: оборона Бреста, Донбасса, Тулы, Одессы и Севастополя, бои под Вязьмой, за Ростов-на-Дону, на Северном Кавказе, за освобождение Левобережной Украины, Смоленское и Московское сражения, Сталинградская битва, боевые эпизоды на Ленинградском, Волховском и Северо-Западном фронтах, Демянская, Орловско-Курская, Рижская, Сандомирская, Восточно-Прусские операции, форсирование Днепра, освобождение Крыма, Мелитополя и Молдавии, морские сражения на Балтике, взятие Кёнигсберга и Берлина.

Сведения об этих событиях и операциях разбросаны по всему комплексу материалов. О трудности поиска информации в архиве свидетельствует такой факт: материалы о битве за Москву, например, находятся в разделах I, IX и даже VI (оп. 22 «Подпольные организации советских граждан в Германии», д. 5 – интервью попавшего в плен комиссара 14-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона 2-го гвардейского кавалерийского корпуса Доватора В.А. Букреева). Кроме того, информация о сражении содержится в беседах, целью которых был сбор сведений о других операциях, так как опрашиваемые часто излагали всю свою военную биографию. Причём зачастую заголовки дел не отражают их полного содержания. Так, в делах раздела IX, посвящённых народному ополчению районов Москвы, подробно рассказано об окружении советских войск в Вяземском «котле» (начало октября 1941 г.).

Информация о военных операциях регулярных частей Красной армии дополняется историей партизанских соединений, действовавших на оккупированных территориях Московской, Смоленской, Ленинградской, Тульской, Брянской, Орловской, Калининской областей, а также на Украине, Северном Кавказе, в Белоруссии, Крыму, Прибалтике, Молдавии. Собиралась также информация о подпольных организациях, действиях оккупационных властей, для чего проводились опросы представителей всех социальных групп и категорий мирного населения: колхозников, рабочих, научных работников, сотрудников учреждений образования и культуры, представителей духовенства, домохозяек. Данные материалы использовались в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Важным направлением стало исследование работы московских и уральских предприятий, Московского и Донбасского угольных бассейнов, колхозов, авиа-

---

³² В настоящее время в реестрах отражены разделы: I «История воинских частей и подразделений», II «История партизанского движения», III «Оборона городов», IV «Стенограммы бесед с Героями Советского Союза и материалы о Героях Советского Союза», V «Тыл — военная экономика», VI «Оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков», VII «Национальные республики в годы Великой Отечественной войны», VIII «Культура и быт в дни Великой Отечественной войны», IX «Материалы по истории обороны Москвы», X «Разные материалы», XI «Фотоматериалы», XII «Трофейные документы», XIII «Печатные материалы (бюллетени, плакаты, листовки и пр.)». Раздел XIV содержит документы, связанные с деятельностью самой Комиссии.

ционных заводов. Методика оставалась неизменной: опрашивались сотрудники всех рангов – от руководителя до рядового работника.

Большое внимание уделялось фактам героизма на фронте и на производстве. Комиссия аккумулировала материалы о Героях Советского Союза (7 240 досье, из них около 1 тыс. со стенограммами бесед), ценные разносторонностью биографических сведений, многие из которых имеют уникальный личностный характер (среди прочего, опрашивались родители, близкие родственники и сослуживцы). Часть героев, давших интервью, впоследствии погибли, так что записи бесед с ними стали выполнять и мемориальную функцию.

Особый интерес представляют материалы об участниках войны, ставших символами борьбы за Победу, например, о женщинах-лётчицах из 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка или о бойцах дивизии Панфилова, снайпере В. Зайцеве, прославившемся в битве за Сталинград, Героях Советского Союза М.А. Егорове и М.В. Кантария, водрузивших знамя Победы над Рейхстагом. Их интервью содержат массу интереснейших деталей и подробностей, не зафиксированных в иных источниках.

Документы Комиссии позволяют взглянуть на Великую Отечественную войну глазами участников и очевидцев, как бы показывая её изнутри. В стенограммах человек не теряется в лабиринте статистических данных и не превращается в фигурку на масштабированных картах – наоборот, он и его индивидуальный опыт выходят на первый план. В ходе совершающегося в исторической науке антропологического поворота эти материалы приобрели особое значение.

Сведения, собранные Минцем и его сотрудниками, позволяют отказаться от множества стереотипов о советских солдатах, созданных отечественной и зарубежной историографией или средствами массовой информации. Так, красноармейцы часто изображались безликими пешками, безропотно, хотя и без энтузиазма, выполнявшими приказы командиров и политруков. Нередки высказывания и о том, что только заградительные отряды гнали солдатские массы в бой. Подобные штампы можно обнаружить, например, в широко известном труде Э. Бивора «Сталинград»³³. Однако книга Хелльбека³⁴, составленная из интервью с непосредственными участниками битвы за город, наглядно показывает, что их действия носили осмысленный характер. Конечно, автор не обошёл вниманием роль политической работы в Красной армии. Но интервью демонстрируют не столько фанатичных, идеологически мотивированных бойцов, сколько оказавшихся в экстремальной ситуации людей с их страхами и надеждами, повседневной жизнью, а главное, с собственным пониманием происходившего.

Удачным опытом следует признать и публикацию А.В. Марчуковым комплекса стенограмм интервью с лётчиками-покрышкинцами³⁵, повествующего об авиационном полке, где воевали А.И. Покрышкин и его однополчане, многие из которых стали Героями Советского Союза. Документы дают возможность познакомиться с образом мыслей, жизнью до войны советских асов (в интервью даны подробные биографии), узнать об их взаимоотношениях, о

³³ *Beevor A. Stalingrad: The Fateful Siege: 1942–1943. N.Y., 1998.* Первое русское издание: *Бивор Э. Сталинград.* Смоленск, 1999. С тех пор книга в дополненном и доработанном виде неоднократно переиздавалась на русском языке.

³⁴ Сталинградская битва...

³⁵ *Марчуков А.В.* Указ. соч.

чём интервьюируемые рассказывали без особых стеснений. Детально описана истребительная тактика, её выработка и применение. Стенограммы Комиссии также позволили автору уточнить счёт боевых побед отряда. Кроме того, автор-составитель включил в работу документы фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, дополнившие сведения из рассказов покрышкинцев.

Главное достоинство собранных Комиссией интервью заключается в том, что они предоставляют слово самим фронтовикам, что позволит в будущем написать историю Великой Отечественной войны с точки зрения «простого человека».

В завершение отметим, что введение собранных Комиссией документов в научный оборот, в рамках проекта, предполагает не только публикацию статей и монографии «Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне», но и запуск сайта www.komiswow.ru³⁶, который включает разделы, отражающие историю создания, деятельность, состав и структуру Комиссии. Информация о её архиве представлена в виде сводного научного каталога всех разделов и блок-схемы из восьми узлов-частей: «Битвы (боевые операции) Великой Отечественной войны», «История партизанского движения», «Оккупационный режим», «Тыл и экономика», «Повседневность войны», «Герои Советского Союза», «Печатные материалы», «Трофейные документы». В каждой части содержатся подробная характеристика документального собрания, описание и тексты наиболее ярких источников, иллюстративный материал. Основное внимание уделяется новой информации об известных событиях (или участниках) войны, поиску ранее не известных фактов героизма отдельных военнослужащих и подразделений.

Предполагается размещение на портале в открытом доступе электронных версий оригинальных документов, что позволит ознакомить с материалами Комиссии массовую аудиторию. Кроме того, будут привлечены аудио- и видеоматериалы, связанные с деятельностью Комиссии. Помимо научных целей, сайт можно использовать в школьном и вузовском преподавании, в деятельности возрождённого общества «Знание».

Реализация проекта послужит цели введения в научный оборот уникальных материалов, которые дадут возможность по-новому взглянуть на многие события и явления Великой Отечественной войны.

---

³⁶ Сайт создан в рамках проекта РГНФ № 14-31-12065 а/ц «Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о войне (на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг.)» при участии Информационно-аналитического отдела ИРИ РАН.